

М. К. ЛЮБАВСКИЙ

Соловьев и Ключевский*

Когда сосредоточиваешься мыслью на незабвенном В. О. Ключевском и начинаешь рассматривать сделанное им великое дело жизни, неизменно позади его дивного образа вырастает величавая фигура его наставника С. М. Соловьева. Соловьев и Ключевский занимают воображение, как два неразрывно связанных деятеля, учитель и ученик, начинатель и продолжатель, сливающиеся в единый образ мощного духовного гения, лучезарно осветившего прошлое России. Велик и оригинален был талант, данный Богом Василию Осиповичу Ключевскому; но свое применение и направление этот талант получил благодаря Сергею Михайловичу Соловьеву. Велики заслуги Василия Осиповича в деле разработки науки русской истории и в постановке ее преподавания. Но почва для него была расчищена здесь и подготовлена главным образом Соловьевым. Памятуя, что Василий Осипович, когда трактовал великих людей и их деяния, всегда старался ввести их в историческую перспективу, всегда рассматривал великие культурные деяния, как плоды коллективного творчества поколений, находя, что Василий Осипович завещал нам не только преклоняться перед гениями и талантами, но и исторически объяснять их, я и беру на себя смелость поделиться здесь своими беглыми наблюдениями над тем, что дал Соловьев Ключевскому, в чем сказалось духовное влияние учителя на ученика.

В деле научного образования огромное значение имеет первое руководство, которое дается при самом приступе к научным занятиям.

---

* Речь, произнесенная в заседании Императорского Общества Истории и Древностей Российских, посвященном памяти В. О. Ключевского, 12 ноября 1911 года.

Ключевский-студент в этом отношении поставлен был в счастливые условия, и это благодаря главным образом Соловьеву. Припомним, в каком положении находилось преподавание русской истории в Московском университете до Соловьева. Ближайшим предшественником Соловьева был М. П. Погодин, энтузиаст так называемого математического метода в истории. Погодин тщательно избегал общих концепций исторического процесса, излагал одни только частные наблюдения над точно установленными фактами, не заботясь о том, чтобы связать их в какую-нибудь систему, для которой, по его мнению, не наступило еще время. Он читал с кафедры одни только частные исследования, преимущественно по древней русской истории Киевского периода, исследования в свое время, конечно, имевшие научную цену, но в аудитории только подавлявшие внимание обилием событий, имен и годов. От покойного инспектора Московского учебного округа Якова Игнатьевича Вейнберга¹ мне пришлось слышать, как Погодин боролся с гнетущим впечатлением от своих лекций. Взойдя на кафедру и объявив студентам, что всех удельных князей было 500, заметив при этом некоторый ужас на их глазах, Погодин приглашал их не пугаться этого числа, ибо на Всеволоде III это число как раз разбивается пополам, так что запомнить всех их будет уже не так трудно. Едва ли большее научное возбуждение давали в свое время исследования и лекции предшественника Погодина — Михаила Трофимовича Каченовского, главного представителя так называемой «скептической» школы в русской историографии, с его грубым и наивным критицизмом. Популярность этих исследований и лекций основывалась, конечно, не на их научной ценности, а на их направлении, шедшем вразрез с укоренившеюся идеализацией и славословием древнерусской старины. Не будем заглядывать в более ранние времена, во времена Чеботарева², преподававшего и русскую словесность соединенно с латинским языком, и логику с нравоведением, и географию, и русскую историю. То был еще период младенчества в постановке университетского преподавания вообще, мало разнившегося от гимназического. На надлежащую высоту преподавание русской истории в Московском университете впервые поставлено было только С. М. Соловьевым, и В. О. Ключевскому выпало на долю счастье в полную меру воспользоваться этим преподаванием.

Вот как сам он говорил о том действии, какое оказали на него лекции Соловьева: «Соловьев давал слушателю удивительно цельный, стройную нитью проведенный сквозь цепь обобщенных фактов взгляд на ход русской истории, а известно, какое наслаждение для

молодого ума, начинающего научное изучение, чувствовать себя в обладании цельным взглядом на научный предмет... Обобщая факты, Соловьев вводил в их изложение, осторожной мозаикой общие исторические идеи, их объяснявшие... Благодаря этому курс Соловьева, излагая факты местной истории, оказывал на нас сильное методологическое влияние, будил и складывал историческое мышление: мы сознавали, что не только узнаем новое, но и понимаем узнаваемое, и вместе учились, как надо понимать, что узнаем. Ученическая мысль наша не только пробуждалась, но и формировалась, не чувствуя на себе гнета учительского авторитета: думалось, как будто мы сами додумались до всего того, что нам осторожно подсказывалось»*.

С самого начала своей преподавательской деятельности С. М. Соловьев читал два курса русской истории — общий и специальный, причем первый был как бы введением ко второму. По словам Василия Осиповича, «начав специальное изложение с эпохи, на которой прервалась “История Государства Российского” Карамзина³, Соловьев с каждым годом понемногу подвигался все дальше вперед; но студент специально знакомился с доставшейся ему эпохой уже подготовленный к тому общим курсом русской истории с древнейших времен. Содержанием этого курса была именно смена политических форм с объяснением исторических обстоятельств, при которых одна из них зарождалась, падала и переходила в другую, и с указанием перемен, какие при господстве той или другой из них происходили в составе общества и во взаимных отношениях его частей. С течением времени фактические подробности в этом курсе сглаживались все более, так что он превратился наконец в непрерывную цепь обобщений, в историко-философскую формулу политического и социального развития России»**. Такую постановку преподавания нельзя не признать в высшей степени удачною. Из такого преподавания студент выносил и цельный, стройный взгляд на ход русской истории, и специальное знакомство с эпохой из первых рук, и знакомство с методами научного исследования, и, что особенно важно, уважение к кропотливому научному труду и к званию профессора, которое в свою очередь

---

* Ключевский В. О. С. М. Соловьев как преподаватель. Издания Исторического общества при Императорском Московском университете. Рефераты, читанные в 1895 г. (Год I). М., 1896. Стр. 191, 192.

** Некролог С. М. Соловьева, составленный В. О. Ключевским. Стр. 10. Отчет Московского университета за 1879 год.

обуславливало собственную охоту к научным занятиям. Василий Осипович в данном случае был тем счастливее, что ему пришлось учиться у Соловьева в то самое время, когда тот уже вполне созрел и как ученый, и как профессор. В 1863 году, когда Ключевский начал слушать Соловьева, последний уже закончил свои научные труды по древней русской истории и подвел итоги в своем знаменитом XIII томе. Первоначальная концепция древней русской истории, содержащаяся в его диссертации «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома» и в его общих курсах, к тому времени была продумана, окончательно исправлена и дополнена на основании колоссального изучения источников по древней русской истории. И Ключевский теперь сразу попал под обаяние этой концепции и ее автора. «Слушая Соловьева, — говорит он в одной из своих статей о нем, — мы смутно чувствовали, что с нами беседует человек, много и очень много знающий и подумавший обо всем, о чем следует знать и подумать человеку, и все свои передуманные знания сложивший в стройный порядок, в цельное миросозерцание, чувствовали, что до нас доносятся только отзвуки большой умственной и нравственной работы, какая когда-то была исполнена над самим собою этим человеком и которую должно рано или поздно исполнить над собою каждому из нас, если он хочет стать настоящим человеком. Этим особенно и усиливалось впечатление лекций Соловьева: его слова представлялись нам яркими строками на освещенном изнутри фонаре». «С кафедры слышался не профессор, читающей в аудитории, а ученый, размышляющий вслух в своем кабинете». «Но Соловьев так рассуждал со студентами о былом, что они живо представляли себе, как это происходило» *.

Василий Осипович высоко ценил «Историю России с древнейших времен». По его словам, это — «одна из страниц истории русского просвещения, и таких страниц, на которых с отрадою будет всегда останавливаться и раздумываться мыслящий русский человек» **.

Из этих отзывов Василия Осиповича ясно видно, как много он получил от Соловьева к началу своих самостоятельных занятий русскою историей. Соловьев дал ему цельный и стройный взгляд на ход русской истории, несомненно облегчивший ему выработку собственного, не менее цельного и стройного взгляда, дал в его распоряжение огромный и хорошо рассортированный подбор данных источников, облегчивший ему дальнейшие разыскания в источни-

---

* *Ключевский В. О. С. М. Соловьев как преподаватель.* Стр. 188, 189, 194.

** Там же, стр. 190.

ках, возбудил его творческое воображение и, наконец, что особенно важно, создал известное ученое настроение, тот нравственный подъем, с которым работал Василий Осипович в избранной им специальности. Василий Осипович не только косвенно, но и прямо признал, как много обязан он и другие современные ему историки Соловьеву. «В движении русской историографии, — говорит он в одной из своих статей о Соловьеве, — это время можно смело обозначить именем Соловьева: живущие ныне писатели, вместе с ним наиболее поработавшие над историей своего отечества, охотно согласятся с этим. Вооружившись приемами и задачами, выработанными исторической наукой первой половины нашего века, он первый пересмотрел всю массу исторического материала, оставшегося от жизни русского народа с половины IX до последней четверти XVIII века, связал одною мыслью разорванные лоскуты исторических памятников и вынес на свет всю наличность уцелевших фактов нашей истории. Есть и будут десятки трудолюбивых исследователей русского прошедшего, которые останавливаются и будут останавливаться на том или другом факте дольше Соловьева, изучают и будут изучать то или другое явление подробнее, тем изучил он; но каждый из них, чтобы идти прямо и твердо в своей работе, должен начинать с того, чем кончил Соловьев свою речь о том же, и он, как маяк, еще долго будет служить указателем пути даже для тех, кто далеко разойдется с ним в своих последних выводах»*.

Влиянием Соловьева и сделанного им научного дела определился как преимущественный интерес, так и круг самостоятельных разысканий Василия Осиповича. Василий Осипович уделял свое внимание, посвящал свои труды многообразным вопросам и всем эпохам русской истории. Но преимущественно его изучение сосредоточивалось на тех веках, на тех вопросах, которые уже обняты были «Историею России с древнейших времен», и он все время как бы углублял, исправлял и дополнял труды своего учителя. Обе его диссертации, четыре части курса и большая часть статей посвящены древней допетровской Руси и эпохе Петра Великого. При этом больше всего внимания и усилий мысли уделено Василием Осиповичем на более глубокое раскрытие генезиса и смены форм политического и социального строя Руси до Петра Великого включительно, т. е. на более тщательную разработку и выполнение тех же самых научных задач, которые ставил себе и Соловьев. Захватив

---

* *Ключевский В. О.* Памяти С. М. Соловьева // *Научное слово.* 1904, кн. VIII, стр. 118.

массу нового материала и более тщательно продумав его данные, Василий Осипович, как известно, во многом ушел от положений своего наставника, изменил их и дополнил. Прежде всего, он выработал иной взгляд на общественный быт Древней Руси в момент утверждения в ней варяжских князей. Он не считал уже возможным довольствоваться теорией родового быта, которую развивал Соловьев, признал, что общество к тому времени организовалось уже в крупные политические союзы — городские волости. Ту работу жизни, которую Соловьев приурочивал к княжескому периоду, Василий Осипович отнес на более ранние времена и не признал возможным приписывать князьям ту организующую роль, которую отвел им Соловьев. В данном случае Ключевский сошелся более с учеными противниками Соловьева, чем с своим наставником. Весь так называемый Киевский период русской истории получил у Василия Осиповича новое освещение благодаря тому значению, которое он отвел в жизни Киевской Руси, в формировке ее общественного и политического строя, во всем бытовом складе — внешней торговле. Но особенно далеко ушел Василий Осипович от Соловьева в разработке удельной эпохи. Он гораздо резче, чем Соловьев подчеркнул своеобразие этого периода русской истории, его полное отличие от предшествующего Киевского периода, облек в плоть и кровь те общие схемы, которые даны были в изложении Соловьева, наложил детали и краски на изображение. Очевидно, здесь сыграли огромную роль работы Василия Осиповича по написанию магистерской диссертации⁴. Изучая критически жития святых, стараясь оценить их как исторический источник, Василий Осипович естественно должен был прежде всего всесторонне уяснить себе то самое время, к которому относилось большинство этих житий. Блуждая воображением вместе с своими святыми по лесным дебрям и моховым болотам русского севера, Василий Осипович с его художественною восприимчивостью попутно брал в свою историческую перспективу все персонажи, которые попадались около монастырей или были в каких-нибудь с ними отношениях: и новгородских бояр с их страдниками-холопами, и князей-колонизаторов и хозяев севера, и их бояр, и крестьян. Из глухих пустынь его воображение невольно должно было переноситься и в те самые центры, куда сходились все нити тогдашней хозяйственной, политической и нравственной жизни русского общества. Так, в результате специального изучения получилось у Василия Осиповича превосходное общее знакомство с эпохой, которое и нашло себе потом художественное выражение частью в «Боярской думе», частью

в общем курсе русской истории. Страницы, посвященные в этих трудах удельной эпохи, навсегда останутся одною из лучших частей его исторической картины. Более глубокое и широкое изучение источников дало возможность Василию Осиповичу наложить новые краски и на Московский период русской истории, дополнить изображение Соловьева новыми существенными подробностями и, кроме того, углубить и изменить понимание некоторых основных процессов этого периода. В особенности надо отметить здесь выяснение экономических условий зарождения и развития крепостного права на Руси. Для XVIII и XIX века Василий Осипович не только углублял, исправлял и дополнял труд своего учителя, но и продолжал его. Он первый из русских историков дал в своих лекциях и статьях общую, но при этом в высшей степени живую, исполненную красок времени концепцию Екатерининского царствования. В своих лекциях и статьях Василий Осипович дал превосходные абрисы и яркие картинки и из истории XIX века.

Но как ни самостоятелен был в своих научных разысканиях Василий Осипович, как ни оригинален в своих воззрениях, все же в его исторических построениях нельзя не заметить и соловьевского наследства. Таким наследством является, прежде всего, его теория очередного порядка княжеского владения в Киевской Руси. Хотя Василий Осипович и отверг соловьевскую теорию родового быта, все же он не мог отвергнуть тех наблюдений, которые сделал Соловьев относительно распределения волостей между князьями XI–XII веков, принял установленную Соловьевым схему и только позаботился о том, чтобы дать ей иное обоснование. Соловьев в известной мере был родоначальником и того объяснения, которое дал Василий Осипович происхождению удельного строя и положению в нем князя. Соловьев первый обратил внимание на условия колонизации Суздальской земли, на роль в ее политической жизни новых городов и селений, возникших при князьях и благодаря им. Ключевский развил эту мысль своего учителя, обставил ее новыми аргументами и данными источников. Соловьевским наследством является у Василия Осиповича и объяснение возвышения Москвы из сгущения в ее области населения, эмигрировавшего с юга на север. Наконец, оценка и изложение реформы Петра Великого являются у Василия Осиповича дальнейшим развитием и усовершенствованием воззрений на этот предмет и изображения его у Соловьева. Можно было бы указать и на другие подробности из исторических построений Ключевского, свидетельствующие о наследовании после Соловьева, но и сказанного, думается мне,

совершенно достаточно для доказательства ученой зависимости Василия Осиповича от его учителя.

Духовное влияние Соловьева отразилось не только на самых исторических построениях Ключевского, но и на его историко-философских и методологических воззрениях. Известно, что Соловьев увлекался идеею органического развития народов, естественности, внутренней логики этого развития. «У Соловьева, — говорил Василий Осипович, — аналогия жизни народов с жизнью отдельного человека, отвлеченные аргументы и, наконец, его столь известная и любимая фраза естественно и необходимо, повторявшаяся при каждом случае, как припев, — все вызывало в сознании слушателя эту идею исторической закономерности»*. Василий Осипович не так резко подчеркивал эту идею, не так часто, быть может, выражал ее, но, несомненно, разделял ее и применял на деле в своем историческом изложении. Этим и объясняется тот факт, что внутренняя история России доминирует у Василия Осиповича как в исследованиях, так и в изложении. Его интересовали именно те внутренние, логические процессы исторической жизни, которые развивались из внутренних свойств человеческого общежития под воздействием природы и других внешних условий. Известно, что Соловьев в данном случае находился под некоторым влиянием воззрений, распространенных в области исторического мышления Гегелем. Некоторые отзвуки этого отраженного гегельянства можно подслушать и у Василия Осиповича. «По условиям своего земного бытия, — говорил он на лекциях, — человеческая природа как в отдельных лицах, так и в цельных народах раскрывается не вся вдруг, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствам места и времени». По условиям места и времени «отдельные народы, принимавшие наиболее видное участие в историческом процессе, особенно ярко проявляли ту или другую силу человеческой природы»**. Но Василий Осипович, как и Соловьев, далек был от того, чтобы смотреть на народ, как на простой механический аппарат, воспринимающий и перерабатывающий внешние влияния. Народы в данном случае не одинаковы, имеют каждый свою личность, свою индивидуальность. «Должно быть, каждому народу от природы, — говорил он, — положено воспринимать из окружающего мира, как и из переживаемых судеб, и претворять в свой характер не всякие, а только известные впечатления, и отсюда происходит

---

* *Ключевский В. О. С. М.* Соловьев как преподаватель. Стр. 192.

** *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. I, стр. 6, Москва, 1904.

разнообразии национальных складов и типов»*. «Значение народа как исторической личности заключается в его историческом призвании, а это призвание народа выражается в том мировом положении, какое он создает себе своими усилиями, и в той идее, какую он стремится осуществить своею деятельностью в этом положении»**. Все это были любимые мысли и его наставника — Сергея Михайловича Соловьева. Василий Осипович солидарен был с Соловьевым и в общем взгляде на основные факторы исторического процесса. «Человеческая личность, людское общество и природа страны — вот те три основные исторические силы, которые строят людское общежитие»***. Василий Осипович подобно своему учителю уделил большое внимание влиянию природы на историю русского народа, и высказанные им здесь соображения во многом повторяют и развивают соображения Соловьева. Подобно Соловьеву Ключевский придавал огромное значение рекам русской равнины. «Государственная сила, основавшись в области истоков главных рек равнины, естественно стремилась расширить сферу своего владычества до их устьев, по направлению главных речных бассейнов, двигая и население, необходимое для их защиты. Так центр государственной территории определился верховьями рек, окружность — их устьями, дальнейшее расселение — направлением речных бассейнов. На этот раз наша история пошла в достаточном согласии с естественными условиями: реки во многом начертали ее программу»****. Как и Соловьев, Ключевский придавал огромное значение равнинному характеру нашей страны и ее естественной связи с равнинами Азии, откуда прикатывались к нам волны кочевников. Что касается значения личности в истории, то и тут можно заметить родство взглядов Соловьева и Василия Осиповича. Для Соловьева каждая историческая личность была детищем своей эпохи, продуктом исторического развития и сама характеризовала эпоху. Великими, по оценке Соловьева, были те исторические деятели, которые чутки были к народным и государственным потребностям своего времени, сильнее других их ощущали, яснее других понимали и энергичнее других удовлетворяли. Подобные же оценки рассеяны и в курсе Василия Осиповича, напр., относительно Петра Великого. Реформа Петра I, по словам Ключевского, «сама собою

---

* Там же, стр. 386.

** Там же, стр. 38.

*** Там же, стр. 11.

**** Там же, стр. 69.

вышла из насущных нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером, талантами дружно совместившимися в одной из тех исключительно счастливо сложенных натур, какие по неизведанным еще причинам от времени появляются в человечестве. Хотя эта реформа была делом произвольным и необходимым, но в способе, приемах и размере выполнения она была личным делом великого Петра. Преобразование, несомненно, подготовлялось предыдущей историей, но это преобразование могло пойти и так, и этак, при мирном ходе дел могло рассрочиться на целый ряд поколений. Но если этого не случилось, то это уже благодаря личности Петра Великого»*.

Ключевского нередко противопоставляют Соловьеву как историка-экономиста историку-юристу. Но это противопоставление в сущности не совсем правильно характеризует взаимные между ними отношения. Разница между Соловьевым и Ключевским в данном случае была не столько принципиальная, сколько фактическая или, если так можно выразиться, очередная. Соловьев сначала разработал лицевую сторону русского социально-политического процесса, которая естественно прежде всего подпадала под наблюдения, освещаемая к тому же и общею историческою теориею Соловьева. Ключевский в своем изучении и размышлении сосредоточился преимущественно на той стороне исторического процесса, которая скрывалась за лицевую сторону, уходила в самую глубь народной жизни. Такой интерес Василия Осиповича обусловился не какими-либо теориями, противными теориям Соловьева, а его творческим инстинктом, склонностью к будничной житейской правде, к живому, конкретному пониманию и воспроизведению исторической действительности. Экономист Ключевский не отрицал, а только дополнял юриста Соловьева. Но как Соловьев не отвергал значения экономических факторов в историческом развитии русского народа, так и Василий Осипович чужд был всякой односторонности в своем экономизме. Всем памятно его классическое рассуждение на эту тему, вставленное во введение к «Боярской думе». Сказав, что обыкновенно в истории политические факты вытекают из экономических, как их последствия, Василий Осипович заявляет, однако: «Но бывают и обратные явления. Например, завоевание может привести к такому положению, когда политическая сила изменяет ход экономической жизни

---

* *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. IV. М., 1910. Стр. 275, 291.

и развития страны»*. И это не пустые слова. Припомним, какое важное значение отвел Василий Осипович в ходе экономической жизни Древней Руси прибытие и утверждение кочевников, в какую тесную связь поставил возникновение фабрично-заводской промышленности от внешних задач, которые легли на Московское государство в новый период его истории. Василий Осипович, как известно, один из первых выяснил экономические условия происхождения и развития крепостного права. Но в то же самое время никто из русских историков не раскрыл в такой полноте и определенности все те последствия, какие в свою очередь оказал этот социальный факт на экономическое развитие русского народа, как это сделал в своих лекциях Василий Осипович. Ключевский, как и его учитель, чужд был монистического понимания исторического процесса, старался подметить и уловить в нем действие не только внешней природы, хозяйственных условий, но и психических причин — в виде привычек, культурных навыков, нравов и идей. Он любил говорить не только о денежном, но и нравственном капитале русского народа в разные исторические времена, поддерживая традицию своего учителя, дававшего в своей истории периодические обозрения внутреннего состояния русского общества, но далеко превосходя его полнотою и художественностью изображения.

Эти изображения, а также некоторые личные характеристики проникнуты у Василия Осиповича сплошь и рядом юмором, а подчас и едким сарказмом. Как это ни странно может показаться с первого взгляда, но нельзя не признать и в этой особенности литературной и преподавательской деятельности Ключевского известного духовного влияния Соловьева. По словам Василия Осиповича, Соловьев был не только историк-прагматик, но и историк-моралист, произносивший исторический суд над людьми и их деяниями. «Я не вижу, — говорит он, — в этом научного греха: эта моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная к сознанию своею нравственною стороною, та же научная связь причин и следствий, только приложенная к явлениям добра и зла, помышления и действия»**. Таким же прагматиком-моралистом был и В. О. Ключевский, но только по свойствам его таланта эта нравственная оценка людей и их деяний выражалась у него не в отвлеченных рассуждениях, а в художественных образах и описаниях. Юмор и сарказм Василия Осиповича — художественные средства

---

* Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси. М., 1882. Стр. 9.

** Ключевский В. О. С. М. Соловьев как преподаватель. Стр. 192.

того же самого исторического суда, который признавал делом своей совести и его великий наставник. При этом добродушный юмор Василия Осиповича пал на долю преимущественно древней допетровской и петровской Руси, едкий сарказм на долю екатерининской эпохи и XIX века. Древняя Русь была вообще как-то милее Василию Осиповичу, чем Русь новая, после-петровская. На этом основании Василия Осиповича зачисляли даже в ряды славянофилов, упрекали в идеализации русской старины. Объяснение такому предпочтению древнерусской старины надо искать, конечно, прежде всего в личных симпатиях Василия Осиповича, который как художник должен был ценить простоту, прямоту и искренность, болезненно воспринимать все крикливое, показное и ходульное, всякое искажение действительности. Но, несомненно, известный толчок его симпатиям в этом направлении дан был и Соловьевым, указывавшим на величие Древней Руси, заключавшееся в ее скромности, «в сознании своих несовершенств, в сбереженной ею способности не мириться со злом, в искреннем и горячем искании выхода в положение лучшее посредством просвещения»*.

Подобно своему учителю и в том же духе, как и Соловьев, подводил Ключевский и свои итоги русской истории. «Вековыми усилиями и жертвами, — говорил он на своих лекциях, — Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению не видим со времени падения Римской империи. Но народ, создавший это государство, по своим духовным и материальным средствам, еще не стоит в первом ряду среди других европейских государств. По неблагоприятным историческим условиям его внутренний рост не шел в уровень с его международным положением, даже по временам задерживался этим положением. Мы еще не начинали жить в полную меру своих народных сил, чувствуемых, но еще не вполне развернувшихся, не можем соперничать с другими ни в научной, ни в общественно-политической, ни во многих других областях. Достигнутый уровень народных сил, накопленный запас народных средств — это плоды многовекового труда наших предков, результаты того, что они успели сделать. Нам нужно знать, чего они не успели сделать; их недомимки наши задачи»**. Этот итог является резюме и исторических трудов, и рассуждений С. М. Соловьева, рассеянных в XIII томе «Истории России», и в публичных лекциях, и в популярных ста-

---

* Там же, стр. 193.

** Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. I, стр. 39, 40.

тях по русской истории. Василий Осипович говорил тут *in verba magistri*⁵. Как и Соловьев, Василий Осипович не относился с ученым олимпийством, с холодным безразличием к такому результату русской истории. Русская история не была для него только одною из местных историй, поставщицею материала для сооружения научного здания социологии. У него для русских людей находились не только юмористические или сатирические характеристики, но и теплые слова сочувствия и подчас тихой элегической скорби. «Наш народ, — говорил он на одной из своих лекций, — поставлен был судьбою у восточных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии. Целые века истощал он свои силы, сдерживая этот напор азиатов, одних отбивал, удобряя широкие донские и волжские степи своими и ихними костями, других через дверь христианской церкви мирно вводил в европейское общество... Так мы очутились в арьергарде Европы, оберегали тыл европейской цивилизации. Но сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается, особенно когда она исправна: чем бдительнее охрана, тем спокойнее спится охраняемым и тем менее расположены они ценить жертвы своего покоя»*. С такую же душевную скорбь говорил и писал об исторических заслугах русского народа, мало ценимых на Западе, и Сергей Михайлович Соловьев. Душевным теплом, глубоким сочувствием к многострадальному русскому народу проникнуты все творения Соловьева и Ключевского. Это были историки-патриоты в лучшем, благороднейшем смысле слова, любившие свой народ, свое отечество и в то же время умевшие говорить о нем и писать правду.

Не одинакова была манера речи и письма у Соловьева и Ключевского. Соловьев всегда парил над действительностью, над морем фактов и событий, указывая их отображения в мире идей. Тон его речи и письма был какой-то торжественный. Он развертывал перед своими слушателями и читателями русскую историю в виде своего рода философской мистерии. Василий Осипович давал своим слушателям и читателям художественные образы, не отрывавшие их от действительности, но также возвышавшие до идеальных высот. Он развертывал перед ними не мистерии, а реальную жизненную драму, оставлявшую, однако, его слушателей и читателей с теми же чувствами, которые выносятся из художественной мистерии. Не одинаков был склад ума и таланта у Соловьева и Ключевского. Психические различия нередко порождают взаимную холодность и отчуждение

---

* Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. II. М., 1906. Стр. 507, 508.

людей. Ничего подобного не было, насколько мне известно, в отношениях между Соловьевым и Ключевским. Соловьев любовно относился к своему ученику, к его кропотливым разысканиям, к его мастерскому изображению прошлого, видя в этом дальнейшее продолжение и исправление своего труда. Сам возвышенно настроенный, он любил отдыхать от этого напряжения нравственного сознания в проникнутых юмором и сарказмом рассказах своего ученика. Василий Осипович не оставался в долгу у своего учителя и до конца дней своих не переставал поминать его с великим пиететом и признательностью, не переставал ценить то огромное дело, которое было им сделано. Поэтому, думается мне, напрасны и тщетны предпринимаемые иногда усилия отделить духовно Ключевского от Соловьева, перессорить их, так сказать, после смерти. Они останутся близкими по духу, по совместной работе над прошлым русского народа, по любви к этому народу.

Да будет им вечная память и благодарность от всех нас и от последующих за нами поколений!

